

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Эпистемология Эпикура, стоиков и
скептиков

Цель – рассмотрение эпистемологических проблем в философии Эпикура, стоиков и скептиков.

План

1. Эпистемология Эпикура.
2. Эпистемология стоицизма.
3. Эпистемология скептицизма.

Ключевые слова: ощущения, понятия, чувства, когнитивные восприятия, непогрешимые впечатления, тождество неразличимых.

Данная лекция посвящена эпистемологическим проблемам в философии Эпикура, стоиков и скептиков, рассмотренным Энтони Кенни в четвертой главе его книги.

В эллинистический период эпистемология стала занимать более фундаментальную позицию в философии, чем в период Платона или Аристотеля. Именно Эпикур дал эпистемологии название как отдельной отрасли философии. Он назвал ее «канонической», от греческого слова «канон», что означает правило или измерительный стержень. Чаще, чем «канонический», Эпикур и другие эллинистические философы использовали слово «критерий». По мнению Эпикура тремя критериями истины являются ощущения, понятия (*prolepseis*), и чувства. Ощущения являются основой знаний для Эпикура, и он считал, что они непогрешимы в отношении правильных объектов.

Лукреций излагает это мнение Эпикура в своей знаменитой поэме, и, как и Аристотель, указывает, что одно чувство не может быть исправлено другим относительно своего предмета. Но эпикурейцы уходят дальше, чем Аристотель, утверждая, что ощущения не могут исправить даже собственные впечатления: каждое впечатление имеет равную надежность и, следовательно, все, что кажется ощущениям в любой момент времени, истинно.

Рассматривая все с внешней стороны как в нормальном состоянии, а не оценивая их в терминах надежности, эпикурейцы исключают метод Аристотеля, имеющий дело с взаимосвязью противоположных впечатлений, как, например, башня, которая издали выглядит как круглая, вблизи оказывается квадратной. Вместо этого, они утверждают, что в таком случае мы имеем два одинаково действительных впечатления, но впечатления от двух разных объектов. Секст Эмпирик объясняет, как Эпикур решает эту проблему, он призывает на помощь атомистическое объяснение предметов и показывает, как соприкасаются их образы с их внешней видимостью.

«Я бы не сказал, что зрение нас обманывает, когда с большого расстояния мы видим башню как маленькую и круглую, а вблизи, как большую и квадратную. Это довольно верно. Когда воспринимаемое кажется небольшим и сформированным таким образом, оно действительно небольшое и сформировано так, потому что его образ расплывается из-за расстояния. И когда она кажется большой и другой формы, она действительно большая и такой формы. Но эти два образа не совпадают».

Наше общее впечатление, что это два образа одного и того же, Эпикур же говорит, что это связано не с восприятием, а с «искаженным убеждением». Он прорабатывает аналогично и другие возражения против непогрешимости ощущения, такие, как мечты и заблуждения. Когда Орест думал, что видел фурий, его зрение не было обмануто, потому что присутствовали подлинные образы; ошибся его разум, принимая их за твердые тела. Мы должны четко различать чувства-впечатления (*phantastike epibole*) и сопровождающие их, но отчетливые, убеждения.

Ощущения, следовательно, первые критерии истины, но, несмотря на их непогрешимость, они обеспечивают только довольно слабое основание для структуры нашего знания. Нам нужно обратиться ко второму набору критериев, а именно к понятиям.

Слово «prolepseis» Эпикура часто переводится как «предубеждения», но это вводит в заблуждение, отчасти потому, что «предубеждения» предполагают предрассудки, отчасти потому, что они предполагают что-то, что было бы выражено целым предложением, тогда как большая часть примеров выражена отдельными словами, такими как «тело», «человек» «корова», «красный». Понятие – это общее представление о том, какого рода вещь обозначается таким словом (которое, конечно, может быть выражено в предложении или парафразе, например, «корова – животное такого-то вида»). «Pro» в «prolepsis» означает, что понятие X является не набором информации о X, полученным из опыта, а скорее шаблоном, по которому мы заранее узнаем, соответствует ли X представленного опыта самой концепции X. Понятия не нуждаются в доказательстве: они сами используются в любом доказательстве. Остается неясным, как у Эпикура, так и у его последователей, откуда понятия возникают. Все они не могут быть результатом опыта, так как они обеспечивают средства, с помощью которых мы сортируем ощущения, которые являются основой опыта. Но некоторые из них, похоже, являются результатом опыта, возможно, неправильно истолкованного переживания, подобно понятию Бога.

Ощущения и понятия, для Эпикура, оба «очевидны» (также как и чувства, но они будут рассматриваться в другом контексте). Это те очевидные элементы, на которых мы должны основывать наши убеждения, когда они не очевидны. Гипотезы и теории являются ложными, если ощущения свидетельствуют против них. Гипотеза истинна, если это подтверждено ощущениями; теория истинна, если она не оспаривается с помощью органов чувств. Последнее утверждение кажется удивительным: может ли существовать истинная теория, несовместимая с доказательствами? Эпикурейцы приняли эту возможность; таким образом, Лукреций признает, что могут быть различные объяснения движения звезд, как возможны различные гипотезы о причине смерти трупа в море. В таком случае все они должны быть приняты: каждое из них, вероятно, верно в одном или другом из многих миров во Вселенной, даже если мы не знаем, что верно в нашем мире.

Ранние стоики поделили с эпикурейцами ряд предположений о природе знания. Стоики, как и эпикурейцы, считали, что знание должно иметь двойную основу непогрешимых ощущений-впечатлений, и примитивных и приобретенных понятий. На тему понятий они более информативны, чем эпикурейцы, и они дают основание их происхождения, напоминающее теорию Аристотеля. Когда человек рождается, его разум как чистый лист бумаги, и по мере его развития и использования разума, на листе появляются понятия. Самые первые понятия происходят от ощущений: индивидуальный опыт основывается на памяти, а память выстраивает опыт. Некоторые понятия приобретаются от обучения или предназначаются для какой-либо цели; другие возникают естественно и спонтанно, и именно они заслуживают названия «prolepsis». Понятия этого вида являются общими для всех людей: разногласия возникают только тогда, когда они применяются к частным случаям, когда одно и то же действие кто-то может описать как мужественное, а другой может назвать сумасшедшим.

В отличие от эпикурейцев, стоики разработали более сложную классификацию психических состояний. Они хотели выдвинуть эпистемологию, которая выдержала бы скептическую критику. В дополнение к двум состояниям: знанию (эпистема) и вере (докса), которые были противопоставлены еще с учения Платона, они ввели третье состояние – познание (каталепсис).

К определению знания добавляется новый элемент: знание есть неизменный аргумент. Это можно назвать здравым смыслом. Если я утверждаю, что знаю что такое р, я утверждаю, среди прочего, что никто не собирается спорить, что я не верю в это р. Это не похоже на случай, когда я считаю, что убежден в р, тогда я открыт для того, что может быть и не-р. Это последнее, что подразумевается под тем, что есть убеждение – это слабое согласие. Это также (возможно) ложно: нет ничего абсурдного в том, чтобы сказать «Х считает, что р, но это ложно, что р», как и в словах: «Х знает, что р, но это ложно, что р». Но самый интересный момент в этом пассаже то, что определение познания дается с точки зрения когнитивного восприятия (phantasia kataleptike).

«Восприятие» – это широкий термин, включающий не только то, что касается чувств, но и другие виды убеждений. Познания, также, могут быть результатом чувств или разума. Восприятие – это не то же самое, что и убеждение: убеждение включает в себя дополнительный пункт, а именно согласие; согласие, в отличие от восприятия, это дело добровольное. Восприятие

познавательно, если оно заслуживает согласия. Познание находится между знанием и верой в это, в отличие от убеждений, оно никогда не ложно, и не похоже на знание, так как считает, что согласие не означает никогда не менять свое мнение.

Стоики классифицировали восприятия с точки зрения их убедительности в четыре класса:

1. Убедительный; например, «это день», «я говорю».
2. Неубедительный; например «если темно, то день».
3. Убедительные и неубедительные; например, философские парадоксы.
4. Ни убедительные, ни неубедительные; например, «количество всех звезд – нечетно».

Однако убедительность не является гарантией истины: изогнутый вид весла в воде достаточно убедителен, но является ложным восприятием. Без сомнения, человек, который является мудрым, будет удерживаться от соблазна принять все убедительные проявления, и ограничит согласие не только на убедительные, но и на разумные восприятия. Таким образом, Посидоний говорит нам, что в дополнение к предложению о когнитивных впечатлениях в качестве критерия истины, некоторые из ранних стоиков идентифицируют критерий как правильные причины.

Однако, дело усложняется. В дополнение к познавательным впечатлениям появляются разумные впечатления. Когда царь Птолемей Филопатор, вместо настоящих гранат дал стоику гранаты из воска, обманутый стоик ответил, что он согласился не с утверждением, что это гранаты, но с утверждением, что это было разумно (eulogon) поверить, что это были гранаты. Разумное впечатление, по его словам, было совместимо с обманом. Если это так, то, похоже, оценка восприятия, является ли оно или не является когнитивным, не может быть вопросом разума. Ранние стоики не дают нам дополнительную помощь в определении отличительных признаков познавательных впечатлений.

Слабость позиции стоиков разоблачил Аркесилай, глава второй Академии во второй половине третьего столетия. Он оспаривает стоическое определение когнитивного впечатления как «чего-то штампованного, и восприятия чего-то, что есть, точно так, как есть». Разве нельзя отличить ложные впечатления от истинных? – задается он вопросом. Зенон согласился с тем, что если впечатление было таким, что это может быть ложью, то (даже если это правда) это не может быть когнитивным впечатлением. Соответственно, он изменил определение, добавив «и такого рода, что они могли бы не возникать из того, чего нет». Но неясно, как стоики должны были установить, в каких случаях должны были быть найдены такие безошибочные отличительные знаки, или ответить на скептическое утверждение, что везде, где было истинное восприятие, можно было представить себе ложную неразличимую копию.

Неудивительно, что стоическая эпистемология должна была быть оспорена со скептического ракурса. Однако вызывает удивление тот факт, что эта проблема пришла из Академии, от наследников Платона. Цицерон и другие источники говорят о том, что руководители более поздней Академии, Аркесилай и его преемник, Карнеад, представили ряд аргументов, чтобы показать, что не может быть непогрешимого впечатления.

Не может быть истинного впечатления, возникающего от восприятий, которое не может быть в паре с другим впечатлением, неотличимым от него, который не является не когнитивным. Если два впечатления неразличимы, то не может быть так, что одно из них когнитивное, а другое нет. Поэтому никакое впечатление, даже если это истина, не может быть познавательно. Чтобы проиллюстрировать этот аргумент, рассмотрим случай с близнецами, Публием Геминиом и Квинтом Геминиом. Если кто-то смотрит на Публия, и думает, что смотрит на Квинта, тогда все соответствует в каждой детали тому, если бы он в действительности смотрел на Квинта. Следовательно, его впечатление не когнитивное: оно не отвечает в конечном пункте определению Зенона: «и такого рода, что они могли бы не возникать из того, чего нет».

В ответ стоики, похоже, отрицают возможность любой пары объектов, напоминающих друг друга во всех отношениях. Они выдвинули тезис, известный позже как принцип «тождества неразличимых»: нет двух песчинок, нет двух волосков, которые были бы абсолютно одинаковыми. Академики жаловались, что тезис был необоснованным; но это, безусловно, не более необоснованно, чем их собственные претензии, что истинные впечатления всегда можно спутать с ложными репликами.

Изучение античной эпистемологии может научить нас многому о природе знаний и пределах скептицизма. Несколько озарений стали частью достояния всей философии будущего: знание может быть только источником истины; знание – тогда только знание, если оно может быть поддержано опытом, рассуждениями или другими источниками; и тот, кто претендует на знания, должен быть непоколебимым, за исключением возможности того, что на более позднем этапе знания будут правильно преобразованы в другую точку зрения.

Однако, античная эпистемология страдает от двух разных, но взаимосвязанных заблуждений. Оба они порождены непониманием истины в утверждении, что всякое знание должно быть истинным. Одно из заблуждений преследует классическую эпистемологию, вплоть до времен Аристотеля; другое заблуждение терзает эллинистическую и имперскую эпистемологию.

Первая ошибка. То, что знание должно быть истинным, можно трактовать двояко:

1. Обязательно, если p известно, p верно

или

2. Если p известно, p обязательно верно.

(1) истинно, а (2) ложно. Это обязательно истинно, если я знаю, что вы сидите, в то время, когда вы сидите; но если я знаю, что вы сидите, это не является обязательно истинным то, что вы сидите; вы можете встать в любой момент. Платон и Аристотель, снова и снова, считают (2) не отличимым от (1). Учитывая необходимую связь между знаниями и истиной, они, кажется, думают, что только то, что необходимо, может быть известно. От принятия (2) формируется конструкция теории вечных и неизменных идей, а также невозможный идеал аристотелевской науки.

Если то, что является знанием, должно быть истинным, тогда может показаться, что знание должно быть способностью никогда не ошибаться. Это та форма заблуждения, которая была распространена в эллинистические времена. Эпикурейцы и стоики, в отличие от Платона и Аристотеля, готовы вывести знания не только из вечных истин, но из мирских непредвиденных обстоятельств, таких как «Дион идет». Но это, утверждают они, возможно, только если у нас есть способности к безошибочной работе. Это эллинистическое заблуждение просто зеркальное отражение классического заблуждения. Пусть F означает какую-то способность. Тогда это истинно, что: это невозможно, если F знает, что p , что F ошибается.

Но это не то же самое, и это не истина, что, если F знает, что p , то для F было невозможно ошибиться.

Эпистемологическая ошибочность, как в классической, так и в эллинистической форме, отбрасывает длинные тени через всю историю философии, – резюмирует Кенни четвертую главу своей книги.

Вопросы для закрепления темы

1. Что является критериями истины, по Эпикуру?
2. Как стоики классифицировали восприятия с точки зрения их убедительности?
3. В чем слабость стоической эпистемологии?
4. Что представляет собой принцип «тождества неразличимых»?
5. Какие озарения античных эпистемологов стали частью достояния всей философии?
6. Какие заблуждения присущи античной эпистемологии?

Литература

1. Anthony Kenny. Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1. – Oxford University Press. – 2014. – 368 p.

2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.

3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.

4. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. – М., 1981.